

От делания по Матфею к видению по Иоанну

Беседа святителя Игнатия (Брянчанинова)
с архиепископом Леонидом (Краснопевковым)

16

«У меня, отец Леонид, будет просьба к Вам: не забывайте меня в своих молитвах. Это общение молитв необходимо для душ, которые больше или меньше симпатизируют между собою»,— так обратился к профессору Вифанской семинарии иеромонаху Леониду (Краснопевкову) архимандрит Игнатий (Брянчанинов), остановившийся на несколько дней в Троице-Сергиевой Лавре по дороге в Николо-Бабаевский монастырь. Шел 1847 год...

Их встреча на Литургии была неожиданна для обоих, но они узнали друг друга сразу. «Это отец Игнатий!— мелькнула мысль у молодого иеромонаха.— Тот самый человек, имя которого так часто было у меня на устах, человек, жизнь которого была мне примером жизни монашеской».

Последний раз они виделись в Петербурге десять лет назад, причем Лев Краснопевков был в воинском мундире. Следуя совету отца Игнатия, он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, и, прослушав часть курса, завершил свое образование уже в Московской академии. Со степенью магистра он был оставлен преподавателем Троицкой Вифанской семинарии, а в 1845 году принял постриг в Лавре преподобного Сергия. Новая жизнь поставила перед молодым иеромонахом множество вопросов, отнюдь не простых. Воистину Божиим даром стала для него встреча с

духовно умудренным архимандритом, и отец Леонид, выбрав время, пришел к нему за советом и наставлением. Беседа с опытным настоятелем и духовником Сергиевой пустыни дала столь богатую пищу душе ученого инока, что много лет спустя, уже будучи архиепископом Ярославским, он почти дословно помнил все сказанное. До нас дошли его келейные записки, собранные игуменом Марком (Лозинским).

Труды начинаются и так и сяк,
продолжаются кое-как
и кончаются ничем

После обедни отец архимандрит позвал меня, подали чаю и аккуратно нарезанный благословенный хлеб.

«Все в нашей деятельности,— начал я,— должно быть направлено к истине и добру, и это двойственное стремление должно иметь выражение прекрасное. Что касается жизни нетленной, меня затрудняет неумение предоставить всего вере, частое уклонение от простоты Христовой. Кроме того, какое-то равнодушие к полезному труду умственному нередко искажает благообразное течение моей келейной жизни. Причину этого равнодушия я вижу. Во все время моего духовного образования я был раздвоен между новой для меня наукой и тяжелыми семейными отношениями. От этого и еще от иных причин остались про-

*Архиепископ Ярославский и Ростовский
Леонид (Краснопевков)*

белы в духовной учености моей: их надо восполнить, а между тем, я уже в таком возрасте, когда другие давно действуют. Эта несвоевременность занятий ученических, эта безызвестность их убивает рвение. Я не пришел еще в уныние, я знаю по неоднократному опыту, что во мне есть энергия, что когда принимаюсь за труд, цель которого определима и близка, тогда я не знаю усталости. Случалось неделями просиживать ежедневно по 16 и более часов за работой, не теряя ни свежести в организме, ни бодрости духа. Но тут я видел близкую цель труда: как скоро цель эта скрывалась, я был не в состоянии просидеть и получаса за той же самой работой. В моей нынешней деятельности такие работы очень редки. Без прямой цели предпринимаемые мною труды начинаются и так и сяк, продолжаются кое-как и кончаются ничем. От этого в жизни получается какая-то неопределенная вялость, которая выносятся и в жизнь внешнюю. Душа начинает тяготиться всем: и келией и выходами, и делом и праздностью. Боишься, чтобы безуспешная борьба не повергла в уныние, и предаешься равнодушию. Пусть меня несет теперь, куда хочет, вал

страшный — девиз такого состояния души. Благодарю Бога, что сподобился благодати священства. Это одно поддерживает. Когда слишком тяжело и грустно, выпрашиваю у очередного иеромонаха дневную череду богослужений и потом на несколько времени успокаиваюсь. Начинаю часто с того, что после вечерни привожу в порядок свои комнаты, потом принимаюсь за работу, но и это до первой неудачи, до первой усталости или до первой встречи с приятелем. Как скоро сделал перерыв — все приходит в хаос. Оставляю келию и выхожу в жизнь — но и тут тьма недоумения. Затвориться в своей келии не могу: по своему характеру люблю уединения на время, для собрания в себя, но потом жизнь общественная необходима. Вижу пример великих подвижников благочестия, которые духовно образовывались в пустыне, и уже потом выходили в мир на дело свое: они выходили из пустыни уже победителями страстей. Для меня жизнь уединенная представляется опасной не потому только, что она выдвигает сильнейшие брани, но и потому еще, что мне непременно придется оставить свою келию прежде, нежели уединение приведет меня к каким-нибудь желанным результатам, и тогда в миру будет для меня хуже прежнего. Я вырос между женщин, встречался и беседовал с ними совершенно спокойно — по крайней мере, большей частью — а теперь, как ни желаю успокоить себя в беседе с женщиной — по крайней мере, с большей частью женщин — смотреть на нее прямо, говорить с нею просто, обращаться со всякой чистотой, а между тем прихожу в смущение при всякой встрече с особами другого пола. И вдобавок, я не знаю, должен ли совсем отказаться от этих встреч или только быть осторожнее и определить себе меру этих опасных отношений.

Надобно вообще сказать, что в этом определении меры непрестанно ошибаюсь. Думаю, что как в келейной, так и во внешней жизни каждый должен заботиться о благообразии во всех своих поступках, во всех своих положениях и отношениях. Но из благообразия в уборке жилища вдаюсь в щегольство благообразия, в многоглаголанье и кокетство; даже совершая богослужение, впадаю в тщеславие; сама свобода товарищеского обращения делается сетью празднословия, злословия, смехотворства; хороший стол непременно увлекает в чревообъядение. Вообще неумеренность и тщеславие — постоянно нападающие на душу враги. Остаться в этом нестроении особенно

помогает трудность следить за собою, давать себе частые и искренние отчеты, из которых можно было бы составить общий отчет для Таинства покаяния. Знаю, что должно искоренить основание того или другого греха, и тогда не будет греховных действий, и поэтому надо следить за всеми своими поступками, но в этом случае боюсь, чтобы преследование частных не сделало меня скрупулезным, мелочным человеком; с другой стороны, опасаясь, что упущение из виду подробностей не послужило бы мало-помалу к угождению плоти».

Памятка ученому иноку

Отвечая на мои недоумения, отец архимандрит говорил больше часа, я слушал в сладость.

«Очень рад, что вижу Вас в чине монашеском и в сане священства. Это дает свободу и значение нашему собеседованию. В деле учения, отец Леонид, помните слова Христовы: *Всяк книжник, наученный Царствию Божию, подобен человеку домовитому, износящему из сокровища своего новое и ветхое* (Мф. 13:52). Не оставляйте науки светской, поскольку она служит к округлению духовных наук: приложение к духовному, чтобы *дать вопрошающему отчет в вашем уповании* (1 Петр. 3:15). Идите своею дорогой, но помните о светской науке, что она должна быть для Вас только орудием, а о своих богословских системах — что одна система есть скелет правильный, твердый, но сухой и безжизненный. Благодарите школу, что она дала Вам его и большего от нее не требуйте: она сообщила Вам все, что могла. Если мы будем говорить образно — в том экземпляре скелета, который достался на Вашу долю, есть пустоты, спешите наполнить их. Думаю же, что все это немного займет у Вас времени. Потом Ваше дело — навести красу, дать плоть костяку и оживить новое тело духом. Для этого нужно постоянное упражнение в чтении Слова Божия, молитва и жизнь по заповедям Божиим. Молитва оплодотворяет упражнение в Слове Божиим, и плод будет состоять в познании заповедей Божиих. Прочитайте святого Матфея и старайтесь жить по заповедям, изложенным в 5, 6 и 7 главах. Эта жизнь простенькая. Апостол Павел велит узнавать, *что есть воля Божия, благая и совершенная* (Рим. 12:2), и этим отсылает нас к начальным страницам Нового Завета, к святому Матфею, которого книга недаром занимает в нашем новозаветном каноне первое место. Исполняйте заповеди

деятельней и незаметно перейдете к видению по Иоанну. Не чувствительно перейти на небо, если научитесь ходить по земле. Укрепляйте себя в жизни по заповедям посредством чтения 17-ой кафизмы. Душа Ваша озарится и Вы воскликнете: *закон Твой светильник ногам моим и свет стезям моим* (Пс. 118:105); заповеди Божии станут как пестуны ходить за Вами. Таким только путем Вы созиждете на камне свою духовную обитель, в которую снидет Животворящая Троица, в которой будете Вы безопасны от знойного дыхания страстей и от потопа всяких бедствий. Недостаток такого внутреннего делания бывает причиной, что многие из наших ученейших священноначальников слабы духом, всегда боязливы и скоро впадают в уныние. Изучайте Писание согласно с учением святых Отцов. Для этой цели полезно заниматься греческим языком: у нас так мало хороших переводов учительных отеческих творений — Вы ознакомитесь с теоретической стороной Отцов, в деяниях Соборов узнаете их жизнь, что особенно поучительно. Исследуйте также и ереси: еретики становятся лукавы и жестоки сердцем и телом; поэтому сколько в историческом, столько и в психологическом отношении важно исследовать борьбу Церкви с этими домашними врагами.

Вообще работайте Господеви, не спешите с этим самообразованием — скороспелки не имеют вкуса; труды не пропадут: Бог видит их и принимает. Люди бывают непомерно требовательны, Бог — никогда. Он знает наши силы и по мере сил наших налагает на нас требования, приемлет усердие и чудесно восполняет недостатки. Делайте все ради Бога. Насколько правило это важно в учении, настолько же и в жизни. Вы находитесь в отношениях сына, обязанного пещись о своих родителях. Обязанность прекрасная. Вы захотели согласовать с нею жизнь монашескую и избрали дорогу училищной службы. Святой Кассиан рассказывает с похвалой об авве Архебии, который был вызван из своего уединения обязанностью сына и не потерял на небе мзды монаха. Будьте постоянны, спокойны. Формируйтесь в жизни общественной, и она совершит Вас; только помогаете ли родным, обращаетесь ли в обществе — все делайте для Господа, а не для плоти.

Не смущайтесь от преткновений, но ведите жизнь сокрушения и научитесь смиренномудрию: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50:19). Затворничество опаснее

может быть для Вас, нежели общество. Келия воздвигнет на Вас такую брань, какой Вы не вынесете, ибо душа Ваша еще находится под влиянием вещества, она еще не созрела. Идите своим путем, на время уединяйтесь, чтоб не дойти до рассеянности; потом выходите, да не одолеет Вас гордость или уныние. Выходите к обществу, как в свою школу. Будьте осторожны, но благоразумную осторожность отличайте от мнительности и мелочности. Возвратившись в келию, поставьте себя перед Богом, в сокрушении и в простой сердечной молитве исчислите свои согрешения и спокойно продолжайте свое внутреннее делание. Постоянное, но спокойное наблюдение за собою даст Вам способ приготовиться к верному отчету пред Богом, к исповеди плодотворной. Скажу Вам, что мнение святых Отцов о самоиспытании и исповеди таково: мы получаем от духовника отпущение грехов содеянных, а не тех, которые находятся в нас в возможности, склонности ко греху. Поэтому духовнику должно знать, в чем Вы и как прегрешили. Покажите ему, в каких грехах фактически выразилось греховное направление Вашей воли, откройте слабые стороны Вашей души через указание, какие грехи чаще поражали Вас, ничего не утаивайте, ничего не прикрывайте, не переименовывайте. Но избавьте исповедающего от перечисления пред ним всех мельчайших обстоятельств, всех подробностей, за которыми и сами Вы никогда не уследите. Духовник не поймет Вас, а себя Вы затрудните: оцезивая комара, проглотите верблюда. Заметив за собою грех, не забывайте его и со временем упомяните о нем на исповеди, представив его в чертах существенных и полных, а в подробностях, удобно ускользающих из памяти, принесите сердечное раскаяние пред Богом, повергнитесь пред Ним с осознанием своей мерзости, и, оставляя задняя, простирайтесь вперед. Изгоняйте грех, не будет и подробностей грехопадения.

Не будьте мелочны в образе жизни. *Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего* (Рим. 12:2) — это первое. Ищите всюду духа, а не буквы. Ныне напрасно стали бы Вы искать обителей. Их нет, потому что уставы святых Отцов поражены, правила их рассеяны светскими указами. Но Вы всегда найдете монахов и в монастырях, и в общелитиях, и в пустынях, и, наконец, в светских домах и светских одеждах. Городские монахи — это явление особенно свойственное нашему веку: нынче не должно удивляться, встречая

*Святитель Игнатий (Брянчанинов),
епископ Кавказский и Черноморский*

монаха во фраке. Поэтому не должно привязываться к старым формам: борьба за формы бесплодна, смешна — вместо того, чтобы побеждать и назидать, она раздражает противников или вызывает их презрение. Форма как внешность — случайность, а случайность проходит, одна Истина пребывает во веки. *Истина свободит вы* (Ин. 8:32), а Истина есть Христос. Облекитесь во Христа — и Вы явитесь в самой лучшей, в самой древней и вместе с тем в самой современной одежде. *Христос вчера и днесь Той же и во веки* (Евр. 13:8)».

Так говорил мне отец Игнатий, и мне особенно приятно было, что в его словах было много нового, но было и довольно таких мыслей, которые, не будучи долею общественного мнения, давно были собственными моими. Я был рад проверить их в таком человеке как в верном зеркале. Я благодарил отца архимандрита за беседу, которая в Лавре святого Сергия была как бы продолжением той, что ровно за десять лет была начата в пустыни святого Сергия. Хотелось быть еще и еще с ним, но я знал, что он сам спешит в дальнейший путь. С приветом своего любезного слова и очаровательной улыбки он с благожеланием простился со мною. Я отдал ему от полноты души глубокий поклон, он поклонился, вижу, еще ниже — и кончилось тем, что мы пали друг другу в ноги.